

Великая русская революция глазами интеллектуалов

Г.И. Игнатенко

О событиях 1917–1918 гг. в России уже известно очень многое: опубликованы тысячи документов, писем, тайных и явных приказов и постановлений. Мы знаем, кто что говорил и делал, кто спасал, а кто расстреливал, кто сопротивлялся, а кто предавал... Написаны тысячи исследований, опубликованы миллионы страниц художественной и документальной публицистики...

И все же революции 1917 г. продолжают тревожить нас: как могло случиться, что великий народ, всей своей историей доказавший свое право на свободу и счастье, позволил обмануть себя, запугать, реформатировать сознание так, что на поверхность вылезли самые худшие человеческие качества. Можно найти много объяснений этому: безволие власти, предательство элиты, беспринципность и безответственность интеллигенции, безверие, сложная экономическая и политическая ситуация, наконец, игнорирование психологии толпы... Но Россия всегда находится в сложном экономическом и политическом положении, ее всегда предает элита и будоражит безответственная интеллигенция... И не означает ли происшедшее, что если появится новый

жесткий и без нравственных ограничений лидер, мы снова превратимся в толпу, кричащую о свободе, но потерявшую человеческий облик и достоинство? Или мы все-таки изменились и не позволим меньшинству навязывать нам свои правила игры?

Ответ на поставленные вопросы каждый должен найти для себя сам, потому что общественное сознание формируется из индивидуальных мнений. «Государство, — писал в «Культуре и этике» Швейцер, — не может нести нравственность... Только индивидуальность реализует этику». Поэтому и для понимания событий 1917 г. важны не только архивные документы и исследования, но и записки и дневники участников событий, ведь объективная картина складывается из субъективных интерпретаций происходящего. Таким важным источником знания о том, как происходил переворот в судьбе России, несомненно, станет хрестоматия «Великая русская революция глазами интеллектуалов»¹.

¹ Великая русская революция глазами интеллектуалов: хрестоматия / сост. А.А. Вершинин, М.В. Гурылина. М.: Научный эксперт, 2015. 384 с.

Составители отобрали воспоминания, дневниковые записи, размышления не простых обывателей, а тех, кто был тогда (и является сегодня) интеллектуальной опорой и гордостью нации — это выдающиеся ученые, философы, писатели, от которых мы вправе ждать рационального описания событий, объективного восприятия происходящего.

Представленные в хрестоматии записки очевидцев неравноценны. Одни вспоминают о революционных днях через несколько лет, когда острота восприятия притупилась и можно себя контролировать и более или менее рационально рассуждать, выбирая нейтральные слова (Сорокин, Изгоев, Булгаков, Струве). Другие записывают события он-лайн (Гиппиус, Пришвин, Блок, Короленко, Готье, Вернадский, Веселовские, Бунин), не выбирая выражений, не скрывая чувств, эмоций, ненависти, отвращения, боли, позволяя прорываться бессознательным и поэтому истинным смыслом и отношениям, которые в спокойной дореволюционной жизни нивелировались культурной традицией.

Многих объединяет то, что они, как и почти вся российская интеллигенция, готовили революцию, — не такую, что произошла позже. Но разве они не знали что «революция пожирает своих детей»? Так, Питирим Сорокин еще в 1906 г. вступил в партию эсеров и активно включился в процесс распространения революционных идей. Среди революционеров были его ученики *«Вот, товарищ Сорокин, наконец-то революция! Наконец и на нашей улице праздник! — крикнул один из моих студентов-рабочих, подбежав ко мне с товарищами»* (с. 9).

Но вспоминая события позже и из другой страны, можно и попредсказывать: *«...На вчерашнем митинге депутатов, политиков, ученых и литераторов в доме Шубина-Поздеева даже наиболее консервативные из них говорили о приближающейся революции как о несомненном факте. Князья и графы, помещики и предприниматели дружно рукоплескали жесткой критике правительства и приветствовали наступающую революцию. Видеть их, томных, изнеженных, привыкших к жизни в комфорте, призывающими к революции было забавно. Я словно бы увидел представителей французской правящей элиты накануне Великой французской революции. Подобно русской, французская изнеженная аристократия радостно приветствовала бурю, не понимая, что она может отнять у нее не только имущество, но и саму жизнь...»* (с. 8).

В 1922 г. П. Сорокина изгнали из России, тем не менее в своих воспоминаниях он не опускается до непозволительных формулировок.

Зато Зинаиду Гиппиус, которая тоже немало поработала на формирование революционных настроений, все время прорывает:

«С каждым днем большевицкое «правительство», состоявшее из просто уголовной рвани (исключая главарей-мерзавцев и оглашенных), все больше втягивает в себя и рвань охранническую. ... Мы в лапах гориллы, а хозяин ее — мерзавец. Нет, никогда мир не видал революции лавкеев и жуликов» (с. 47, 50).

Ей вторит историк Ю.В. Готье: *«Народ идиотов, кто тебя исцелит и направит?... Все история может исправить, кроме того, чтоб народ сдуру, от небывалой в истории ту-*

пости и отсутствия чутья... Да и кому помочь? Выплеснутому настою, хотя бы мы его назвали и сливками? Это только настой, накипь, у которой нет корней. Народу — но ведь это не люди, а гориллы, которые умеют только бесчинствовать или чесать в заднице. Пусть пропадают, пусть несут иго рабства и большевиков и иностранцев» (с. 177).

Грустно читать и откровения Владимира Ивановича Вернадского: «Еще в 1904–1906 гг. я удивлялся, как и на чем держится такое историческое недоразумение, как Российская империя. Теперь мои предсказания более чем оправдались, но мнение о народе не изменилось, т. е. не ухудшилось. Быдло осталось быдлом».

В сущности это реальное отношение российской интеллектуальной элиты к русскому народу — ненависть, презрение и страх, что, возможно, и не позволило прогрессивным силам удержать власть. «Наши “парламентарии”, — свидетельствует З. Гиппиус, — не только не хотят никакой “поддержки” от рабочих, они ее боятся, как огня; самый слух об этом считают порочающим их “добрые имена”. Кто-то где-то обмолвился, что в рабочих кругах опираются на какие-то слова или чуть ли не на письмо Милюкова. Боже, как он тщательно отбояривался, как внушительно заявлял протесты. Это было похоже не на одно отгораживание, а почти на “гонение” левых и низов» (с. 41).

Но немало и тех, кто не только не противопоставляет себя народу, но и осознает свою ответственность за происходящее.

Так, Александр Блок, который видит то же, что и З. Гиппиус, делает совсем иные выводы: «Стыдно сейчас

надмеваться, ухмыляться, плакать, ломать руки, ахать над Россией, над которой пролетает революционный циклон. Значит, рубили тот сук, на котором сидели? Жалкое положение: со всем сладострастьем ехидства подкладывали в кучу отсыревших под снегами и дождями коряг — сухие полешки, стружки, щепочки; а когда пламя вдруг вспыхнуло и взвилось до неба (как знамя), — бегать кругом и кричать: “Ах, ах, сгорим!”... Русской интеллигенции — точно медведь на ухо наступил: мелкие страхи, мелкие словечки. Не стыдно ли издеваться над безграмотностью каких-нибудь объявлений или писем, которые писаны доброй, но неуклюжей рукой? Не стыдно ли гордо отмалчиваться на “дурацкие” вопросы?

Не стыдно ли прекрасное слово “товарищ” произносить в кавычках? Это — всякий лавочник умеет. Этим можно только озлобить человека и разбудить в нем зверя.

Как аукнется — так и откликнется. Если считаете всех жуликами, то одни жулики к вам и придут. На глазах — сотни жуликов, а за глазами — миллионы людей, пока “непросвещенных», пока “темных”. Но просветятся они не от вас...» (с. 56–57).

«Напрасно интеллигенция пытается спасти себя отводом, будто она не отвечает за большевиков, — пишет кадет А.С. Изгоев. — Нет, она отвечает за все их действия и мысли. Большевики лишь последовательно осуществили все то, что говорили и к чему толкали другие. Они лишь поставили точки над *i*, раскрыли скобки, вывели все следствия из посылок, более или менее красноречиво установленных другими. Добросовестность велит признать, что под

каждым своим декретом большевики могут привести выдержки из писаний не только Маркса и Ленина, но и всех русских социалистов и сочувственников как марксистского, так и народнического толка. Единственное возражение, которое с этой стороны делалось большевикам, по существу, сводилось к уговорам действовать не так стремительно, не так быстро, не захватывать всего сразу. Это — не принципиальные возражения, а оговорки трусливого оппортунизма. Чхеидзе, Чернов, Церетели, Скобелев, Некрасов, Ефремов, Керенский говорили и проповедовали то, что принципиально должно было привести к господству большевизма, решившегося наконец воплотить в делах их речи» (с. 147).

В хрестоматии самая большая подборка воспоминаний принадлежит Михаилу Михайловичу Пришвину, и это справедливо. Потому что он — профессиональный агроном — пожалуй, единственный из представленных в книге интеллектуалов живет на земле и ведет хозяйство. И его дневники — свидетельства человека, который действительно знает проблемы крестьянства, понимает его психологию. *«Злого духа вызываете вы сами, передовые марксисты, социалисты и пролетарии. Идея ваша ни хороша, ни дурна, но средство ваше обратить всю страну, всю нашу природу в стадо прозелитов иностранной фабрично-заводской пролетарской идеи — дурное. Мне вас жаль, потому что в самое короткое время вы будете опрокинуты, и след вашего исчезновения не будет светиться огнем трагедии»* (с. 76–77).

«...Основная ошибка демократии состоит в непонимании большевист-

ского нашествия, которое они все еще считают делом Ленина и Троцкого и потому ищут с ними соглашения. Они не понимают, что “вожди” тут ни при чем и нашествие это не социалистов, а первого авангарда армии за миром и хлебом, что это движение стихийное и дело нужно иметь не с идеями, а со стихией, что это движение началось уже с первых дней революции и победа большевиков была уже тогда predetermined» (с. 91).

«...Наша интеллигенция, вместо того, чтобы мужественно и до конца сказать правду “владыке народу”, когда он явно заблуждается и дает себя увлечь на путь лжи и бесчестия, — прикрывает отступление сравнениями и софизмами и изменяет истине...».

Все происходящее становится поводом для глубоких размышлений и провидческих выводов. Но события Пришвин рассматривал через призму своей своеобразной концепции — «родственное внимание к миру»², поэтому в его оценках и рассуждениях нет ненависти и злобы, даже простой грубости, а есть желание помочь людям найти свое место в общем человеческом деле, оставаясь при этом самим собой. Самому Пришвину это удалось.

Интересных имен в хрестоматии много, каждый из персонажей прожил сложную, некоторые — очень

² Родственное внимание к миру — единство «любовного созерцания всего и вся, устремленности к бескрайне широкому единению людей между собой и с природой» и «творческого поведения», которое мыслится как свойство любой деятельности, включая повседневное общение, и возможный удел каждого человека; как неразрывно связанное с радостной причастностью миру и с тихим подвигом.

короткую жизнь; каждый внес огромную лепту в российскую и международную культуру, поэтому не нам их судить, тем более что, читая чужие дневниковые записи, мы узнаем не столько о том, что человек думает, сколько о том, что человек в

данный момент чувствует, а это, как известно, не одно и то же. Некоторые из тех, кто высказывался особенно жестко, не покинул родину, и разделил с российским народом его трагическую судьбу.

Список используемых источников

1. Великая русская революция глазами интеллектуалов: хрестоматия / сост. А.А. Вершинин, М.В. Гурылина. М.: Научный эксперт, 2015. 384 с.
2. *Альберт Швейцер*. Культура и этика / перевод с немецкого Н.А. Захарченко и Г.В. Колшанского / общая редакция и предисловие проф. В.А. Карпушина. М.: Прогресс, 1973.